

«Серые зоны» в эпоху гибридных войн: опыт теоретико-методологического исследования

Андрей Андреевич Ковалев✉

Северо-Западный институт управления, филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. В статье исследуется феномен «серой зоны» как особого пространства стратегического соперничества, не сводимого ни к открытому вооруженному столкновению, ни к мирному взаимодействию государств. Актуальность исследования обусловлена усложнением гибридных войн, в пределах которых политические, информационно-психологические, информационно-технологические, экономические и силовые средства образуют общий механизм стратегического принуждения. Цель статьи состоит в раскрытии теоретико-методологического значения понятия «серая зона» при изучении гибридной войны как длительного режима воздействия на государственную управляемость, политическую легитимность, социальную консолидацию и экономическую прочность государства-противника. Методологическую базу исследования составляют социально-философский анализ, положения теории международных отношений, военной политологии, сравнительно-теоретический и системный методы. Раскрыты признаки «серой зоны»: размывание границ между войной и миром, неопределенность правовой квалификации, скрытый характер действий, сочетание государственных и негосударственных участников, сохранение возможности отрицать прямую причастность к предпринимаемым мерам. Установлена направленность гибридного воздействия на поэтапное снижение качества государственного управления, ограничение легитимности власти,

нарушение социального единства и рост экономических издержек. Показана роль «серой зоны» как самостоятельного пространства геополитической активности, в пределах которого стратегическое давление развивается вне открытой войны. Полученные результаты позволяют рассматривать «серую зону» как устойчивую форму конкуренции, осложняющую правовую и политическую оценку угроз. Сделан вывод о необходимости уточнения понятийного аппарата исследования гибридных войн, поскольку традиционное противопоставление войны и мира не передает характер долговременного стратегического воздействия в международных отношениях.

Ключевые слова: гибридная война, «серая зона», стратегическое соперничество, международная безопасность, политическая легитимность, государственная управляемость, гибридные угрозы

Для цитирования: Ковалев А.А. «Серые зоны» в эпоху гибридных войн: опыт теоретико-методологического исследования // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 206-219, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-206-219](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-206-219)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-206-219](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-206-219)

“Gray Zones” in the Era of Hybrid Wars: the Experience of Theoretical and Methodological Research

Andrey A. Kovalev✉

North-Western Institute of Management, RANEPa Branch, Saint Petersburg, Russia

kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. The article explores the phenomenon of the “gray zone” as a special space of strategic rivalry, which cannot be reduced either to an open armed conflict or to peaceful interaction between states. The relevance of the study is due to the increasing complexity of hybrid wars, within which political, information-psychological, information-technological, economic and military means form a common mechanism of strategic coercion. The purpose of the article is to reveal the theoretical and methodological significance of the concept of “gray zone” in the study of hybrid warfare as a long-term regime of influence on state governance, political legitimacy, social consolidation and economic strength of the enemy state. The methodological basis of the research consists of socio-philosophical analysis, the provisions of the theory of international relations, military political science, comparative theoretical and systematic methods. The signs of the “gray zone” are revealed: the blurring of the boundaries between war and peace, the uncertainty of legal qualifications, the hidden nature of actions, the combination of state and non-state actors, and the continued ability to deny direct involvement in the measures being taken. The focus of the hybrid impact on the gradual decline in the quality of public administration, the limitation of the legitimacy of government, the violation of social unity and the growth of economic costs has been established. The role of the “gray zone” as an independent space of geopolitical activity, within which strategic pressure develops outside of open warfare, is shown. The results

obtained allow us to consider the "gray zone" as a stable form of competition, complicating the legal and political assessment of threats. It is concluded that it is necessary to clarify the conceptual framework for the study of hybrid wars, since the traditional opposition of war and peace does not convey the nature of long-term strategic impact in international relations.

Keywords: hybrid warfare, "gray zone", strategic rivalry, international security, political legitimacy, government governance, hybrid threats

For citation: Kovalev A.A. "Gray Zones" in the Era of Hybrid Wars: the Experience of Theoretical and Methodological Research. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 3(21): 206-219, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-206-219](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-206-219)

Введение

В исследованиях международной безопасности все более заметным становится несоответствие между привычным понятийным аппаратом и формами стратегического соперничества XXI в. Понятия «война», «мир», «суверенитет», «агрессия» формировались преимущественно в условиях государственно-центричного международного порядка. В основе данного порядка находилось представление о войне как юридически устанавливаемом применении вооруженной силы между ясно определяемыми участниками международных отношений, а о мире как об отсутствии открытого вооруженного столкновения. Классическая модель во многом восходила к положению К. фон Клаузевица о войне как продолжении политики иными средствами, позднее дополненному В.И. Лениным указанием на насильственный характер средств [4].

В XXI в. стратегическое противоборство все чаще развивается за пределами формально признанной войны. Нарушение суверенитета, информационно-психологическое воздействие, кибервоздействие, экономическое принуждение, поддержка посредников и ограниченное применение силы способны использоваться одновременно без объявления войны и без ясного правового статуса происходящего. Научное обозначение промежуточной области между миром и войной связано с понятием «серая зона» (grey zone)¹. Понятие охватывает длительное соперничество, в ходе которого противник стремится получить политический результат, сохраняя неопределенность источника воздействия, состава участников и меры ответственности.

Гибридная война переводит практику «серой зоны» из набора частных приемов в область стратегического противоборства. Информационно-психологические кампании, действия в киберсреде, экономическое принуждение, политическое влияние и привлечение нерегулярных участников действуют не разрозненно, а в едином стратегическом замысле. Главный удар направляется не на военный разгром противника, а на снижение управляемости

государства, ограничение политической легитимности, нарушение социального единства и снижение прочности экономики. Поэтому простое перечисление инструментов гибридной войны не раскрывает исследуемое явление; необходим анализ порядка применения средств и вызванных ими последствий в сфере национальной и международной безопасности.

Проблема исследования обусловлена ориентацией институтов национальной и коллективной безопасности, норм международного права и доктринальных положений вооруженных сил на классические угрозы. Правовые и военные механизмы рассчитаны на противника, которого можно ясно установить, и на вооруженное столкновение с четкими временными и территориальными пределами. В «серой зоне» применяется иной расчет: инициатор воздействия стремится не перейти порог, за которым последует прямой военный или международно-правовой ответ, сохраняя при этом возможность постепенно менять баланс сил, создавать инструменты политического влияния и наносить долговременный ущерб государственному управлению.

В российской научной литературе вопросы гибридной войны получили развитие в работах Р.В. Арзуманяна [1], В.А. Владимирова [2], Ю.Ю. Першина [5], В.Ю. Сизова [6]; отдельные аспекты информационной политики и военной безопасности были рассмотрены в предыдущих публикациях автора [3]. Однако понятие «серая зона» требует специального теоретико-методологического уточнения, поскольку передает специфику не отдельного вида воздействия, а особого пространства геополитической активности, находящегося между признанным миром и открытой войной.

Цель статьи заключается в теоретико-методологическом раскрытии феномена «серой зоны» в условиях гибридных войн. Реализация цели связана с решением двух задач: определить сущностные признаки «серой зоны» как пространства геополитической активности; установить порядок комплексного применения политических, информационных, экономических, технологических и силовых средств в практике гибридной войны, а также оценить вызванные ими последствия в сфере государственной управляемости, национальной безопасности и международного порядка.

Научная новизна статьи заключается в раскрытии «серой зоны» как одного из признаков гибридной войны, а не как краткого промежуточного состояния между миром и вооруженным столкновением. В исследовании обоснован тезис о системном характере гибридного воздействия: различные средства влияния применяются ради снижения качества государственного управления, ограничения легитимности власти, нарушения социального единства и сохранения правовой неопределенности в международных отношениях.

1 Dobbs T., Fallon G., Fouhy S. Grey Zone // The Forge. 2020. 09.09.2020.

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили российские и зарубежные научные работы, посвященные гибридной войне, «серым зонам», стратегическому соперничеству, информационно-психологическому воздействию, кибероперациям и изменению международной безопасности. Особую научную ценность имеют труды, раскрывающие новые формы военного и политического противоборства в XXI в., а также публикации, в которых понятие «grey zone» рассматривается как промежуточная область между открытой войной и мирным взаимодействием государств.

Методологическую базу исследования составил междисциплинарный анализ, объединяющий положения социальной философии, теории международных отношений, военной политологии и исследований безопасности. Социально-философский анализ позволил раскрыть «серую зону» как особое состояние стратегического соперничества, при котором военные, политические, экономические, информационные и технологические средства воздействия действуют как единый механизм влияния на государство-противника.

Теоретико-политологический метод применялся при рассмотрении гибридной войны как варианта межгосударственного противоборства, ориентированного не на одно лишь военное поражение противника, а на снижение качества государственного управления, ограничение политической легитимности, нарушение социального единства и сокращение экономического потенциала государства. Сравнительно-теоретический метод позволил выявить отличия классического понимания войны и мира от практик, осуществляемых за пределами открытого вооруженного столкновения.

В работе использован понятийный анализ, направленный на уточнение содержания понятия «серая зона» и его места среди понятий «гибридная война», «гибридные угрозы», «стратегическое отрицание причастности», «политическая легитимность» и «государственная управляемость». Применение системного анализа позволило рассмотреть информационно-психологические, информационно-технологические, экономические, политические и силовые средства не как разрозненные приемы, а как части общего механизма стратегического принуждения.

Исследование имеет теоретико-методологический характер и не ставит задачу детального изучения конкретных военных либо политических ситуаций. В центре внимания находится «серая зона» как особое пространство геополитической активности, в котором правовая неопределенность, скрытый характер действий и сочетание различных средств воздействия меняют привычные представления о войне и мире. Обращение к феномену «серой зоны» помогает показать, почему традиционное противопоставление войны и мира оказывается недостаточным при изучении гибридных войн, а также уточнить научный аппарат исследования стратегического соперничества XXI в.

Результаты исследования

«Серая зона» как промежуточное состояние между войной и миром

В классической международно-политической мысли война и мир выступали главной парой понятий. Война понималась как правовое состояние открытого вооруженного столкновения между суверенными государствами, порождающее особые юридические последствия и требующее сосредоточения государственных ресурсов. Мир рассматривался как отсутствие прямого военного противоборства, при котором сохранялись дипломатические, торговые и политические формы конкуренции. Такой взгляд был связан с государственно-центричным порядком, в пределах которого участники противоборства, пределы конфликта и момент начала вооруженного столкновения могли быть определены достаточно ясно.

В условиях гибридных войн противопоставление войны и мира теряет объяснительную силу. Многие стратегические действия осуществляются за пределами официально признанной войны, но обладают явной враждебной направленностью и способны наносить ущерб национальной безопасности, суверенитету и политической стабильности государства. Воздействие может идти в информационной, цифровой, экономической, дипломатической, политической и силовой сферах, не приобретая формы объявленного вооруженного столкновения. Поэтому прежний понятийный аппарат не всегда дает возможность точно определить момент перехода от мирной конкуренции к стратегическому принуждению.

Понятие «серая зона» обозначает область между миром и открытой войной, в пределах которой государства, подконтрольные силы, частные структуры и сетевые группы применяют различные средства принуждения, сохраняя неопределенность правового статуса происходящего. В научной литературе термин «grey zone» получил распространение после появления аналитических материалов, подготовленных в системе военного планирования США. Одним из наиболее известных документов стала «белая книга» «The Gray Zone», выпущенная Командованием специальных операций США 9 сентября 2015 г. и подготовленная капитаном Филипом Капустой, работавшим в подразделении стратегического планирования и политики штаба Командования специальных операций США². В документе «серая зона» раскрывалась как область конкурентных действий между государственными и негосударственными участниками, находящаяся между традиционными состояниями войны и мира и отличающаяся правовой неопределенностью, неясностью состава участников и сложностью политической оценки происходящего. Позднее понятие стало использоваться при характеристике ситуаций, при которых действия противника не достигают

² The US Special Operations Command. The Gray Zone: White Paper. 09.09.2015. URL: <https://info.publicintelligence.net/USSOCOM-GrayZones.pdf>.

уровня открытой агрессии, но последовательно меняют баланс сил и создают угрозы государственному управлению.

«Серая зона» не является временной переходной стадией между миром и войной. Ее следует рассматривать как самостоятельное пространство геополитической активности, в пределах которого намеренно стирается грань между военными и невоенными средствами, внешними и внутренними источниками угроз, официальными и неофициальными участниками воздействия. Стратегическая задача подобного порядка действий заключается в получении политического результата без перехода к открытому военному столкновению, поскольку открытое применение вооруженной силы влечет высокие риски, международно-правовые последствия и вероятность ответных мер.

Ключевым признаком «серой зоны» выступает намеренно поддерживаемая неопределенность. Инициатор воздействия стремится затруднить установление источника действий, их правовую оценку и выбор допустимого ответа [13]. При информационных кампаниях, кибероперациях, экономическом принуждении или поддержке посредников возникает ситуация, при которой каждый шаг по отдельности может выглядеть как единичный эпизод, тогда как их сочетание создает длительное стратегическое принуждение. В результате государство, ставшее объектом воздействия, вынуждено реагировать при недостатке доказательств, международно-правовых ограничениях и угрозе политической эскалации.

Важным признаком «серой зоны» становится стратегическое отрицание причастности. Оно означает способность инициатора отрицать прямое участие в предпринимаемых действиях либо представлять происходящее как самостоятельную активность негосударственных участников, частных структур, общественных движений или цифровых сообществ. Данный прием снижает вероятность прямого ответа и дает возможность вести длительную кампанию принуждения без официального признания войны.

Поэтому «серая зона» должна рассматриваться не как вспомогательное понятие, а как важный элемент анализа гибридных войн. Она обозначает не отдельный вид угрозы, а особый режим стратегического соперничества, при котором политические цели достигаются за счет поэтапного снижения качества государственного управления, ограничения легитимности власти, нарушения социального единства и сокращения экономического потенциала государства-противника [8]. Анализ режима «серой зоны» требует уточнения научного аппарата, поскольку прежнее противопоставление «война – мир» не охватывает всего набора практик, применяемых в международном противоборстве XXI в.

Инструменты гибридного воздействия в «серой зоне»

Практика гибридного воздействия в «серой зоне» основана на одновременном применении разнородных средств, сохраняющих относительную самостоятельность, но меняющих политический эффект при совместном использовании. Информационно-

психологические кампании, действия в киберсреде, экономическое принуждение, политическое влияние, поддержка посредников и ограниченное применение силы образуют общий механизм стратегического принуждения. Главная задача такого механизма заключается в поэтапном снижении качества государственного управления государства-противника без перехода к открытому вооруженному столкновению.

Среди средств «серой зоны» особую роль играют информационно-психологические кампании. Их назначение не сводится к распространению выгодных сообщений или дискредитации отдельных политических решений [10]. Более важным становится воздействие на общественное восприятие: снижение доверия к государственным институтам, падение авторитета официальных источников информации, усиление социальной поляризации, перевод публичной дискуссии в остроконфликтное русло. При длительном применении такие кампании снижают способность общества к общей оценке происходящего и осложняют принятие управленческих решений.

Заметную роль получают цифровые каналы коммуникации. Социальные сети, сетевые сообщества, анонимные площадки и автоматизированные средства распространения сообщений позволяют быстро менять информационную повестку, обострять отдельные противоречия и создавать видимость массовой поддержки определенных оценок. Воздействие затрагивает содержание сообщений и сам порядок общественного обсуждения: одни темы получают повышенное внимание, другие теряют заметность. Общество сталкивается с потоком противоречивых сведений, а аргументированная дискуссия постепенно уступает место взаимному недоверию и эмоциональным реакциям.

Самостоятельную группу средств «серой зоны» составляют действия в киберсреде. Они обладают разведывательным, разрушительным и демонстрационным потенциалом. Кибероперации могут быть направлены на получение закрытой информации, нарушение работы государственных информационных систем, финансовой инфраструктуры, энергетики, транспорта, связи и иных критически важных объектов [14]. В «серой зоне» роль киберопераций возрастает, поскольку источник воздействия часто трудно установить точно. Даже при наличии технических следов правовая и политическая оценка действий часто затруднена, а задержка с ответом дает инициатору дополнительное преимущество.

Экономическое принуждение составляет самостоятельную группу средств гибридного воздействия. Оно выражается в санкциях, ограничениях доступа к рынкам, финансовым операциям, технологиям, транспортным маршрутам, инвестициям и критически важным ресурсам. В отличие от классической блокады экономическое принуждение в «серой зоне» нередко применяется выборочно и поэтапно, используя зависимость отдельных отраслей или регионов от внешних поставок, кредитов, логистики либо технологий. Главная задача экономического принуждения не сводится к нанесению материального ущерба: оно призвано вызвать управленческие затруднения, увеличить бюджетную нагрузку, сократить инвестиционную привлекательность и усилить общественное недовольство.

Политическое влияние проявляется в создании каналов воздействия на элиты, экспертные круги, информационные структуры, общественные объединения и деловую среду. Поддержка отдельных групп, продвижение выгодных оценок, создание зависимых контактов, использование коррупционных практик и персональных стимулов позволяют инициатору принуждения воздействовать на процесс принятия решений без прямого участия в официальной политике государства-противника [12]. По мере расширения неофициальных каналов внешнее влияние получает вид внутривнутриполитической позиции и может восприниматься как часть национальной политической дискуссии.

Отдельную группу средств «серой зоны» образует привлечение посредников и нерегулярных участников. В «серой зоне» могут действовать вооруженные группы, частные военные структуры, политические движения, общественные организации, криминальные сети, информационные сообщества и иные участники, отношение которых к внешнему центру остается скрытым, частичным или трудно доказуемым. Их участие позволяет инициатору принуждения снижать собственные риски, перекладывать ответственность и поддерживать очаги нестабильности на территории государства-противника. Ограниченное насилие применяется не ради прямого военного разгрома, а ради возникновения управленческого кризиса, роста гуманитарной нагрузки, усиления переговорных позиций или сохранения длительной нестабильности.

Общим принципом применения перечисленных средств выступает стратегическое отрицание причастности. Инициатор гибридного воздействия стремится сохранить возможность отрицать прямое участие в происходящем и перекладывать ответственность на самостоятельных участников, технические сбои, рыночные процессы, внутренние противоречия либо стихийную общественную активность. В результате государство, ставшее объектом воздействия, сталкивается с трудным выбором ответа. Недостаточная реакция может поощрить продолжение принуждения, а чрезмерная способна повлечь политические и международно-правовые издержки.

Опасность инструментов «серой зоны» связана прежде всего с их совместным применением. Информационные кампании усиливают политическое принуждение; кибероперации создают экономические и управленческие сбои; санкционные меры повышают социальное недовольство; посредники поддерживают очаги нестабильности; правовая неопределенность затрудняет подготовку ответных мер. Гибридная война предстает как длительное воздействие, при котором результат достигается не разовым ударом, а накоплением управленческих, социальных, экономических и правовых затруднений.

Стратегические последствия практик «серой зоны»

Гибридная война изменяет направленность стратегического противоборства. В классическом понимании военный успех соотносился прежде всего с разгромом

вооруженных сил, удержанием территории и принуждением противника к признанию поражения. В «серой зоне» акцент переносится на постепенное нарушение работы государственного управления. Объектом воздействия становятся органы управления, общественное доверие, экономические связи, информационная среда и способность власти сохранять политическую инициативу.

Политическая легитимность относится к главным целям гибридного принуждения. Удар направлен не столько на дискредитацию отдельных представителей власти, сколько на длительное снижение доверия к государственным решениям, официальным институтам, правовым процедурам и публичным заявлениям [7]. В ходе продолжительного воздействия власть формально сохраняет полномочия, однако ее способность убеждать общество, проводить самостоятельный курс и добиваться согласованных действий постепенно снижается.

Проблема усиливается накопительным характером воздействия. Отдельная информационная кампания, экономическое ограничение, сетевой скандал или территориальный кризис могут выглядеть как обособленный случай. Однако одновременное применение разнородных действий дает иной результат: государственный аппарат вынужден направлять больше ресурсов на объяснение происходящего, реагирование, сдерживание последствий и восстановление доверия. Управление становится менее надежным, а политические решения чаще воспринимаются с недоверием.

Другим значимым последствием становится нарушение социального единства. Гибридное воздействие, как правило, не порождает противоречия заново, а использует уже имеющиеся разногласия между социальными, этнокультурными, религиозными, региональными и политическими группами [11]. Внешний импульс делает внутренние споры более резкими и переводит обсуждение в область взаимных обвинений. Общество постепенно теряет способность видеть общие интересы, а политическая дискуссия распадается на закрытые группы с несовместимыми оценками происходящего.

Экономическая сфера испытывает последствия не одних прямых ограничений. Более длительный эффект возникает из-за неопределенности: бизнес, инвесторы, регионы и население начинают ориентироваться на риск, а не на развитие. Санкционные меры, ограничения доступа к технологиям, финансовым операциям и внешним рынкам увеличивают нагрузку на государственное управление. Вслед за экономическими трудностями растет социальное недовольство, снижается доверие к власти, а проведение антикризисных решений становится более затруднительным.

Важное место занимает воздействие на элиты и посредников. В «серой зоне» внешнее воздействие часто подается как внутренняя активность: экспертные оценки, лоббистские инициативы, информационные кампании, общественные движения, деловые интересы. Чем менее очевидна связь между внешним центром и внутренними участниками, тем сложнее дать правовую оценку происходящему. Государство сталкивается не с открытым противником, а с множеством разнородных действий, многие из которых сохраняют законную форму.

Насилие в практике «серой зоны» не всегда занимает главное место. Оно может применяться ограниченно и точно, с расчетом на политический результат. Очаг нестабильности способен отвлекать ресурсы, создавать гуманитарные проблемы, ухудшать переговорные позиции и поддерживать длительный кризис. Военная сила здесь выступает не средством решающей победы, а частью продолжительного принуждения.

Наиболее серьезные последствия связаны с правовой неопределенностью. Международное право и механизмы коллективной безопасности во многом рассчитаны на ясное установление факта агрессии, круга участников и характера ущерба. Практики «серой зоны» намеренно стирают правовые признаки агрессии [9]. В результате возникает положение, при котором общий ход действий уже меняет политическую обстановку, но каждое действие по отдельности не дает достаточных оснований к решительному ответу.

Гибридная война в «серой зоне» выступает не второстепенной формой соперничества, а самостоятельной формой стратегического принуждения. Ее последствия затрагивают качество государственного управления, уровень общественного доверия, социальное единство, экономические издержки и международно-правовую оценку происходящего. Поэтому изучение «серой зоны» требует не расширения перечня угроз, а уточнения научного языка, применяемого при раскрытии вопросов войны, мира и безопасности.

Выводы

Проведенное исследование дает основания рассматривать «серую зону» как самостоятельное пространство стратегического соперничества, занимающее промежуточное положение между миром и открытой войной. Специфика феномена проявляется не в отсутствии насилия, а в намеренном снижении правовой определенности, затруднении установления источника воздействия и сохранении возможности отрицать прямую причастность к происходящему.

Гибридная война в «серой зоне» представляет собой не перечень отдельных приемов, а целенаправленное стратегическое воздействие. Информационно-психологические кампании, действия в киберсреде, экономическое принуждение, политическое влияние, поддержка посредников и ограниченное применение силы образуют единый механизм принуждения. Его результат возникает постепенно и накапливается по мере снижения качества государственного управления, ограничения легитимности власти, нарушения социального единства и сокращения экономического потенциала государства.

Традиционного противопоставления войны и мира недостаточно при изучении гибридных войн. Многие враждебные действия осуществляются за пределами открытого вооруженного столкновения, однако способны менять баланс сил, создавать долговременные риски и ограничивать самостоятельность государственного

управления. Поэтому понятие «серая зона» обладает самостоятельной теоретико-методологической ролью.

Наибольшую сложность порождает правовая неопределенность. Международное право и механизмы коллективной безопасности ориентированы преимущественно на ситуации, при которых возможно установить факт агрессии, круг участников и характер причиненного ущерба. В «серой зоне» отдельные действия часто выглядят как обособленные случаи, однако их общий результат способен менять политическое положение и работу государственного управления.

Исследование показывает, что противодействие гибридным войнам требует уточнения понятийного аппарата исследования войны, мира, безопасности и стратегического принуждения. Научная задача состоит не в расширении перечня угроз, а в более точном раскрытии порядка их совместного применения, накопительного действия и длительного влияния на государство и общество.

Список литературы

1. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий [Strategy of Irregular War: Theory and Practice of Application. Theoretical and Strategic Problems of Conceptualization, Religious and Military-Political Relations in the Operating Environment of Irregular Warfare]. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 334 с.
2. Владимиров В.А. Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них [Main Directions in the Development of Traditional and Non-Traditional Means of Warfare and Protection Against Them] // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4, № 2. С. 99–134.
3. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы [Information Policy and Military Security of Russia in the Era of Civilizational Confrontation: Theoretical and Methodological Aspects of the Problem]. СПб.: Коновалов А.М., 2016. 193 с.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений [Complete Works]. 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, 1969.
5. Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» [Notes on Hybrid War] // Вопросы безопасности. 2016. № 4. С. 63–85. <https://doi.org/10.7256/2409-7543.2016.4.19510>.
6. Сизов В.Ю. «Национальная оборонная стратегия США – 2008: итоги или перспективы?» [The US National Defense Strategy 2008: Results or Prospects?] // Россия и Америка в XXI веке. 2009. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=129>.
7. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
8. Kapusta P. The Gray Zone // Special Warfare. 2015. Vol. 28, № 4. P. 18–25.
9. Rid T. Cyber War Will Not Take Place. New York; London: Oxford University Press; Hurst, 2013. 218 p.
10. Rid T. War and Media Operations: The US Military and the Press from Vietnam to Iraq. London: Routledge, 2007. 240 p.
11. Rid T., Buchanan B. Attributing Cyber Attacks // Journal of Strategic Studies. 2015. Vol. 38. № 1-2. P. 4–37. <https://doi.org/10.1080/01402390.2014.977382>.
12. Sanger D.E. The Perfect Weapon: War, Sabotage, and Fear in the Cyber Age. New York: Crown, 2018. 384 p.
13. Schadow N. War and the Art of Governance: Consolidating Combat Success Into Political Victory. Washington, DC: Georgetown University Press, 2017. 320 p.
14. Watts C. Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News. New York: Harper, 2018. 304 p.

Информация об авторе

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления, филиала РАНХиГС. <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>. Адрес: Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, пр-кт Средний В.О., д. 57/43. kovalev-aa@ranepa.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24 мая 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г. Принята к публикации: 25 августа 2026 г. Опубликовано: 1 сентября 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Arzumanyan R.V. Strategy of Irregular War: Theory and Practice of Application. Theoretical and Strategic Problems of Conceptualization, Religious and Military-Political Relations in the Operating Environment of Irregular Warfare. Moscow: ANO CSOIP [ANO CSOIP], 2015. 334 p. [In Russian].
2. Vladimirov V.A. Main Directions in the Development of Traditional and Non-Traditional Means of Warfare and Protection Against Them. Strategiya grazhdanskoy zashchity: problemy i issledovaniya [Civil Protection Strategy: Problems and Research]. 2014; 4(2):99–134 [In Russian].
3. Kovalev A.A. Information Policy and Military Security of Russia in the Era of Civilizational Confrontation: Theoretical and Methodological Aspects of the Problem. Saint Petersburg: Kononov A.M. [Kononov A.M.], 2016. 193 p. [In Russian].
4. Lenin V.I. Complete Works. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat [Politizdat], 1969 [In Russian].
5. Pershin Yu.Yu. Notes on Hybrid War. Voprosy bezopasnosti [Security Issues]. 2016; 4:63–85 [In Russian]. <https://doi.org/10.7256/2409-7543.2016.4.19510>.
6. Sizov V.Yu. The US National Defense Strategy 2008: Results or Prospects? Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st Century]. 2009; 1 [In Russian]. Available from: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=129>.
7. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p. [In English].
8. Kapusta P. The Gray Zone. Special Warfare. 2015; 28(4):18–25 [In English].
9. Rid T. Cyber War Will Not Take Place. New York; London: Oxford University Press; Hurst, 2013. 218 p. [In English].
10. Rid T. War and Media Operations: The US Military and the Press from Vietnam to Iraq. London: Routledge, 2007. 240 p. [In English].
11. Rid T., Buchanan B. Attributing Cyber Attacks. Journal of Strategic Studies. 2015; 38(1–2):4–37 [In English]. <https://doi.org/10.1080/01402390.2014.977382>.
12. Sanger D.E. The Perfect Weapon: War, Sabotage, and Fear in the Cyber Age. New York: Crown, 2018. 384 p. [In English].

13. Schadow N. War and the Art of Governance: Consolidating Combat Success Into Political Victory. Washington, DC: Georgetown University Press, 2017. 320 p. [In English].
14. Watts C. Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News. New York: Harper, 2018. 304 p. [In English].

About the author

Andrey A. KOVALEV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of State and Municipal Management at the Northwestern Institute of Management, a branch of the RANEPa. <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>. Address: 57/43, Sredny V.O. Ave., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation. kovalev-aa@ranepa.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 24, 2026. Approved after review: August 20, 2026. Accepted for publication: August 25, 2026. Published: September 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.